

Т.Г. Михальчук

**Стилистический анализ ситуаций
речевого этикета и этикетное поведение персонажей
в поэме Н.В. Гоголя "Мертвые души"**

В русском национальном характере Гоголь видел прежде всего способность к резкому, иногда немотивированному и часто внезапному переходу от вспышек активности к покою, лени. В силу этого гоголевская типология характеров опирается главным образом на противопоставление людей деятельных и праздных.

Антитеза деятельности и праздности очевидным образом соотносится у Гоголя с антитезой расчета и беззаботности. Напомним в этой связи знаменитое гоголевское сопоставление Москвы и Петербурга, в основе которого – сопоставление различных психологических типов: "Петербург – аккуратный человек, совершенный немец, на все глядит с расчетом и, прежде нежели задумает дать вечеринку, посмотрит в карман; Москва – русский дворянин, и если уж веселится, то веселится до упаду и не заботится о том, что уже хватает больше того, сколько находится в кармане".

Перед нами два типа характеров, как бы чередующихся в шахматном порядке и очевидным образом связанных с тем принципиально

важным для Гоголя разграничением "покоя" и "праздности", "расчета" и "легкомыслия", о котором речь шла выше.

"Один тип "игровой", второй – "серьезный". При этом игровое начало ассоциируется с отказом от практической деятельности или ее комической нерезультативностью, серьезное – с практицизмом. Одни персонажи пребывают больше в мире своего воображения или своих страстей, другие – по преимуществу в практическом мире денежного расчета.

От мечтательного и "сладкого как сахар" Манилова повествователь обращается к прагматичной "дубинноголовой" Коробочке, усомнившейся-таки в экономической добросовестности Чичикова. Затем вновь следует переход – к характеру, который ничего общего с идеей материальной выгоды не имеет. Ноздрев – человек страсти (одной, но пламенной), он игрок ради игры, а не выигрыша, он азартен, а не расчетлив. Гоголь специально подчеркивает это обстоятельство: "Ружье, собака, лошадь – все было предметом мены, читаем о Ноздреве, – но вовсе не с тем, чтобы выиграть: это происходило просто от какой-то неугомонной юркости и бойкости характера". Вслед за ним является Собакевич, воплощение материального начала.

Итак, с одной стороны – прагматики, глупый (Коробочка) и умный (Собакевич), с другой – люди настроения, так сказать, "идеалисты" (один мечтательный, сентиментальный и уравновешенный, другой – азартный и предельно агрессивный).

Плюшкин, являющийся последним в галерее помещичьих типов, – своеобразный синтез двух отмеченных начал. Его приверженность к "накопительству", материальному началу не просто чрезмерна или даже необычайна, она абсурдна и идеальна, так как, будучи доведена до предела, превращается в свою противоположность, как богатство – в разорение, достаток – в нищету, а богатый помещик – в "прореху на человечестве" [4, с. 13].

Н.В. Гоголь показывает помещиков-крепостников практически во всех ситуациях речевого этикета, используя при этом различные стилистические приемы.

Чтобы отчетливее представить сущность явления и сильнее воздействовать на разум и эмоции читателей, Гоголь-сатирик прибегает к преувеличению, заострению, карикатуре. Гротеск, гиперболизация доведены до предела. Если уж зять Ноздрева извиняется, то так долго повторяет свои извинения, что не замечает, "как сам уже давно сидит в бричке, давно выехал за ворота". Нет предела приторной сладости в обращении со своей семьей и гостями у Манилова. Прощаясь с Чичиковым, Манилов "никак не хотел выпустить руки нашего героя и продолжал ее жать так горячо, что тот уже не знал, как ее выручить". Маниловское "позвольте вам этого не позволить" – стало в наше время крылатым. Если уж Чичиков попадает в губернское общество, то он разом оказывается в нескольких объятиях, его "сдают" из рук в руки. Смешны назойливые предложения-услуги Коробочки: потереть

спину и почесать на ночь пятки. Вспомните насильственное, чрезмерное угощение у Манилова, Собакевича, Коробочки.

Жена Собакевича, знакомясь с Чичиковым, "впихивает ему в губы" свою руку, пропахшую огуречным рассолом.

Н.В. Гоголь успешно использует прием: неожиданная реакция на формулы этикета.

Скряга Плюшкин так отвечает на соблезнование: "Да ведь соблезнование в карман не положишь". Плюшкин радуется отказу Чичикова "попить чайку": "Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная". В ситуации "Знакомство" на этикетное "почел за долг познакомиться и принести личное свое почтение" – Плюшкин "что-то пробормотал сквозь губы, ибо зубов не было, что именно, неизвестно, но, вероятно, смысл был таков: А побрал бы тебя черт с твоим почтением!"

Собакевич на вопрос о жизни жалуется на хорошее здоровье: "Пятый десяток живу, ни разу не был болен".

Умело пользуется Н.В. Гоголь приемом противопоставления речевого поведения персонажей в одинаковых этикетных ситуациях. Ср. ситуацию "Знакомства" Чичикова с Маниловым и Плюшкиным.

Чичиков "со своим обворожительными качествами и приемами, знавший в самом деле великолепное искусство нравиться", широко использует в речи комплиментарные формы, формы одобрения и завышенной оценки: "Очень хороший город, прекрасный город". "Общество самое обходительное". "Приятная комнатка". Поведение его было обдуманно: говоря с чиновниками, "он очень искусно мог польстить каждому". Герой сказал "какой-то комплимент весьма приличный". С Коробочкой ловко устанавливает родственный тон: "Настасья Петровна? Хорошее имя Настасья Петровна. У меня тетка родная, сестра моей матери, Настасья Петровна". "У вас, матушка, блинцы очень вкусные". Ср. этикетные формулы вежливого отказа в речи Чичикова: "А вот меду и не купил бы. Нет, матушка, другого рода товарец". "Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время". На ее обращение: "батушка", он отвечает: "На все воля божья, матушка! против мудрости божией ничего нельзя сказать". Он уговаривает Коробочку продать ему мертвые души, повторяя ее же слова: "примите только в соображение то, что заседателя вам подмасливать больше не нужно...".

Н.Г. Чернышевский находил, что "эта сцена, вовсе не блистательная для поверхностного читателя, действительно, принадлежит к числу самых гениальных в художественном отношении" [8, с. 56].

Обращает на себя внимание обилие слов с суффиксами уменьшительности и ласкательности в речи Чичикова: матушка, чайку, блинец, товарец, тучки.

Слова с дополнительным оценочным значением Гоголь ввел не только в высказывания Чичикова, но и Манилова, а также в авторскую

речь, рисующую этого приторно-липкого человека: "Жена его... впрочем, они были совершенно довольны друг другом. Несмотря на то, что минуло более восьми лет их супружеству, из них все еще каждый приносил другому или кусочек яблочка, или конфетку, или орешек и говорил трогательно-нежным голосом, выразившим совершенную любовь: "Разинь, душенька, свой ротик, я тебе положу этот кусочек".

"Становится ли речь, оснащенная уменьшительными суффиксами, более вежливой?" – размышляет Г.А. Золотова. И отвечает: "Вряд ли. За ними чувствуется не столько вежливость, сколько заискивающий тон, желание быть угодным, не натолкнуться на отказ" [3, с. 69].

Другой герой гоголевской поэмы "Мертвые души" – Собакевич – наоборот не скупится на резко-отрицательные словесные характеристики своих ближних, все городские знакомые Собакевича – "это все мошенники, весь город там такой: мошенник на мошеннике сидит и мошенником погоняет. Все хриstopродавцы. Один там только есть порядочный человек: прокурор, да и тот, если сказать правду, свинья".

В разговоре с Собакевичем Чичиков не сразу нащупал почву: он привык из осторожности отзываться обо всех хорошо, а Собакевич ругает всех чиновников как своих врагов. О продаже мертвых душ Чичиков заговорил осторожно, с длинным подходом, "никак не назвал душ умершими, а только несуществующими". Но Собакевич отнесся к этому предложению как к обычной сделке, и дальше разговор шел уже на деловом, общем для них языке – о цене, купчей, задатке и т.д.

Собакевич груб и вульгарен. Ругательства так и сыпались с его языка: "дурак", "мошенник", "хриstopродавцы", "свинья" и т.п., делая его речь, пестрой и говорятся они именно как бранные слова, унижающие тех, к кому относятся. В отличие от Ноздрева, в устах которого ругательства были скорее амплификациями грубого свойства, словами, переполнявшими его речь почти бессмысленно, Собакевич своими грубостями определяет моральный облик чиновников. У Собакевича есть практически острый, живой и быстрый ум, знание жизни и людей. Ведь все его ругательные отзывы о чиновниках верны. Он встречался с ними в присутственных местах, вел с ними дела и на себе узнал их поборы, взятки и произвол. С этой стороны он их и аттестует; все они – губернатор, вице-губернатор – "разбойники"; полицмейстер – "продаст, обманет да еще и пообедает с вами". Собакевич прямо заявляет: "Я их знаю всех: это все мошенники..." И даже его отзыв о прокуроре, что он "один порядочный человек", в дальнейшем разъясняется с этой же стороны: "Все дела за него делает стряпчий Золотуха, первейший хапуга в мире". Меткость и тонкость характеристик Собакевича очевидна, и главы, где рассказывается о чиновной администрации города NN, подтверждают его резкие определения. За столом он говорит "неприятности" вроде: "каналья-повар обдерет kota и да подаст на стол вместо зайца" и

т.п. Так что даже обычно бессловесная Феодулия Ивановна вынуждена была остановить его.

"Особенно красочен язык Собакевича во время продажи "мертвых душ" – это типичный для такого рода сделок язык торговца-кулака, каким и был в сущности дворянин-кулак Собакевич" [6, с. 96].

Гоголь противопоставляет многословную речь Манилова краткой, отрывистой речи Собакевича. В этом отношении показательна ситуация "Приглашение к столу".

Контрастными являются абсолютное согласие Чичикова и полное несогласие зятя Ноздрева. (Внешнее словесное несогласие плюс безропотное подчинение). Гоголь использует при этом не только диалоги героев, но и авторский пересказ, комментарий.

Так, о зяте Ноздрева он пишет: "Белокурый был один из тех людей, в характере которых на первый взгляд есть какое-то упорство. Еще не успеешь открыть рта, как они уже готовы спорить и, кажется, никогда не согласятся... плясать по чужой дудке, а кончится всегда тем, что в характере их окажется мягкость, что они согласятся именно на то, что отвергали, глупое назовут умным и пойдут потом поплясывать как нельзя лучше под чужую дудку – словом, начнут гладью, а кончат гадью".

Резко противопоставлены в поэме и формы обращения. Так, "исторический человек" Ноздрев, хвастун, пустой болтун, сплетник и мелкий жулик, обращается с Чичиковым фамильярно – на "ты", а Манилов даже кучеру Селифану сказал один раз "вы".

Коробочка сама занимается хозяйством, входит в непосредственное общение со своими крепостными, и это сказывается на ее речи, близкой к крестьянскому говору. Таковы народные выражения "боров", "нешто", "забранки", "пригинаешь", "о святках" и т.д.

В ее речи сказывается и дворянское обыкновение употреблять изысканные выражения в соединении с просторечными: "изволил засалиться", "уступила двух девок", "мучица-то не больно авантажная" и т.п.

Интересно, что ее обращение к Чичикову все время перебивается с церемонного *вы* на простецкое *ты*. Причем переходы эти объясняются по-разному: ее волнением ночью, при приезде Чичикова: "Эх, отец мой, да у тебя-то, как у борова..." Второй раз, утром, начав с разговора на *вы*, Коробочка решила, что Чичиков – купец и как барыня-дворянка перешла на *ты*: "А, так вы покупщик... вот ты бы, отец мой, у меня его, верно, купил". О языке Коробочки академик В.В. Виноградов писал: "Гоголь с необыкновенной драматической тонкостью передает в движении диалога (Коробочки и Чичикова), в изменениях экспрессивности выражений недоумение, растерянность, "крепколобость", тупость и вместе с тем хозяйственную осмотрительность, практичность Коробочки и все растущее раздражение Чичикова. Речи персонажей

дают возможность как бы осязать их, слышать их интонации, видеть их живую мимику" [1, с. 125].

Таким образом, резкое противопоставление характеров персонажей находит свое воплощение и в выборе этикетных формул.

Писатель-сатирик филигранно обрабатывает каждую ситуацию речевого этикета. Так, "согласие с мнением собеседника" дается с различной стилистической окраской и прагматическим эффектом. Формы согласия используются как в диалогах, так и во внутренних монологах персонажей.

Особую роль играет выбор степени согласия или несогласия для характеристики этикетности. В речи Чичикова употребляются формы полного, абсолютного, уклончивого и вынужденного согласия. Ср.: полное согласие в пересказе: Чичиков согласился с этим совершенно... Чичиков изъявил готовность совершить ее хоть сию же минуту (и как ответная реплика в диалоге): Совершенная правда; Совершенная справедливость. Уклончивое: "Купим, купим, всего купим".

Чичиков приспособливается к своим собеседникам, усваивает их взгляды на вещи и невольно пародирует их язык. С Маниловым он хвалит всех и пытается говорить в сентиментальном тоне, но, в отличие от Манилова, в его языке появляются дидактические рассуждения о добродетели в духе булгаринской школы: " – Но знаете ли... если нет друга, с которым бы можно было поделиться...", – сентиментальничал Манилов. "О, это справедливо, это совершенно справедливо! – прервал Чичиков (как известно, не имевший друзей и не нуждавшийся в них). – Что все сокровища тогда в мире! "Не имей денег, имей хороших людей для обращения", – сказал один мудрец" и т.д.

Речь автора в виде уточнения является верификатором слов Чичикова в плане ложности - правдивости: Вынужденное согласие: – Дрянь же ты! – Что ж делать? Так бог создал. Ср. просторечные формы согласия в речи Плюшкина и Коробочки: "Ай ей богу так! Ей богу правда! – сказал Плюшкин... – Ох, отец мой, и не говори об этом! – подхватила помещица. – Уж это, точно, правда. Уж совсем ни на что ни похоже; Наконец, тупое и равнодушное согласие пьяного Селифана на угрозу Чичикова высечь его: Как милости вашей будет завгодно, – отвечал на все согласный Селифан, – коли высечь, то и высечь, я ничуть не прочь от этого. Почему же не посечь, коли за дело, на то воля господская". На его слова барин не нашел что ответить, и гроза пролетела мимо.

"Попытка сопряжения крайностей – Чичиков, объединяющий всех персонажей в рамках единого сюжета, одновременно расчетливый и сентиментальный. Он обладатель еще в школе обнаружившегося "большого ума" "со стороны практической" и "характера осмотритель-

но-охлажденного", и вместе с тем, как известно, не чужд он был и не вовсе прозаических грез" [4, с. 13].

Что же помогло Павлу Ивановичу Чичикову добиться успеха? Он, несомненно, умный и проницательный человек, хорошо знающий среду, в которой живет: "О себе он избегал много говорить, если же говорил, то какими-то общими местами, с заметной скромностью. Приезжий во всем как-то умел найтись и показал в себе опытного светского человека. О чем бы разговор ни был, он всегда умел поддержать его".

Гоголь мастерски применяет стилистический прием "коммуникативного переключения". В этом плане интересна речевая характеристика Чичикова. В разговорах с "сильными мира сего" он "очень искусно мог польстить каждому", с Коробочкой особо не церемонится, а Селифана может остановить: "молчи, дурак!".

Его язык и манера обращения со своими крепостными отличаются обычной для дворян грубостью. Ругательства: "дурак", "болван", "подлец", "ах ты, чушка, чурбан, разбойник беспутный", угрозы высесть, избить, "в рог согнуть", "узлом завязать", дать такую потасовку Селифану, что "сам на себе лица не увидит", – рисуют Чичикова с другой стороны, срывают с него маску. Чичиков то и дело угрожает Селифану поркой, потасовкой, ругает его, но по отношению к Петрушке держится другой манеры. Угрюмый, опустившийся Петрушка производит тягостное впечатление. Он сдержан и молчалив, но уныл и недоволен. Барин ему делает замечания, но ругаться и грозить избегает. Гоголь недвусмысленно отмечает при этом: "Трудно знать, что думает дворовой крепостной человек в то время, когда барин дает ему наставление".

"Перечислить нельзя всех оттенков и тонкостей нашего обращения", – иронизирует писатель. Гоголь противопоставляет по этикетности внутренние монологи Чичикова его репликам в диалогах, которые свидетельствуют о лицемерии персонажа. Ср. (про себя): "Ну, уж черт его побери, прибавлю собаке на орехи и (вслух): Извольте, по полтине прибавлю". Пронырливый карьерист, подхалим, аферист и стяжатель, внешне "приятный и достойный человек", Чичиков в беседе с Маниловым самоуничижается, называет себя "ничтожным человеком", а Ноздреву не позволяет себя оскорблять (проявляет щекотливость в соблюдении личного достоинства): "Если хочешь пощеголять подобными речами, так ступай в казармы". "Уже всякое выражение, сколько-нибудь грубое или оскорбляющее благоприятность, было ему неприятно, – подчеркивает писатель. – Он даже не любил допускать с собой ни в коем случае фамильярного обращения, разве только если особа была слишком высокого звания".

"Чичиков пытается найти общий язык и с Ноздревым. Так, он начинает с предложения совершенно в его духе: "Дай прежде слово, что

исполнишь", – такими словами предваряет он свою просьбу о продаже мертвых душ. "Да какая просьба?" – "Ну, да уж дай слово!" – "Изволь". – "Честное слово?" – "Честное слово". Чичиков ошибся: Ноздреву дать слово и не выполнить его ничего не стоит. Ноздрев не продает ему души; у него, как у Хлестакова, "легкость в мыслях необыкновенная". Чичиков, поняв, что ошибся в своих расчетах, более не подделывается к нему и говорит своим языком – твердо и осторожно, например: "Я тебя ни за кого не почитаю, но только играть с этих пор никогда не буду..." Известно, что их разговор едва не кончился трагически для Чичикова: найти общий язык с Ноздревым было трудно даже для опытного Павла Ивановича" [6, с. 59].

Павел Иванович всегда тщательно обдумывает, в какой форме обратиться к собеседнику, извлекает, как фокусник, из своего арсенала этикетные формулы и умело использует их. Например, при встрече с Плюшкиным "долго не мог он придумать, в каких бы словах изъяснить причину своего посещения. Он уже хотел было выразиться в таком духе, что, наслышась о добродетели и редких свойствах души его, почел долгом принести лично дань уважения, но спохватился и почувствовал, что это слишком. Искоса бросив еще один взгляд на все, что было в комнате, он почувствовал, что слово "добродетель" и "редкие свойства души" можно с успехом заменить словами "экономия" и "порядок"; и потому, преобразовав таким образом речь, он сказал, что, наслышась об экономии его и редком управлении имениями, он почел за долг познакомиться и принести лично свое почтение".

Язык Плюшкина отличается жизненной правдивостью, особым складом речи, особым словарным составом. В.В. Виноградов характеризует язык Плюшкина как "общедворянское просторечие с крестьянскими диалектизмами, свойственное представителям старого поколения провинциальных помещиков" [1, с. 15]. В его речи много старинных выражений (VIII века – "пересмешник", "бают", "куш мужиков", "пенник", "анекдот" (в смысле случай), "благодетель", "славная деньга" и т.д.) Свойственная застою обществу при натуральном хозяйстве консервативность мышления Плюшкина отражается в употреблении устоявшихся форм и идиом языка: "пойдешь по миру", "пеннику, чай, на смерть придерживался"; "святители вы мои", "будто и след простыл", "я не охотник до чаю", "сегодня жив, а завтра бог весть" и др. Как все помещики, Плюшкин употребляет грубые выражения: "рожа", "наплевать в глаза", "проклятая горячка", "наврет", "тунеядцы", "черт его знает", "разбойница" и т.д. Он учился в какой-то школе, но никакого следа образования не осталось в его языке. Все уничтожила развившаяся и завладевшая его душой скупость. Бога он не вспоминает, зато черти и ад, "страшный суд" с наказаниями для крестьян, обманывавших своего барина, служат ему для устрашения

крепостных. "Вот погоди-ка: на страшном суде черти припекут тебя за это железными рогатками!" – грозит он Мавре.

"Чичиков – лукавый покупатель мертвых душ, адресующий каждому собеседнику именно те слова, которые вернее всего польстили бы его самолюбию и усыпили подозрения. Настоящий хамелеон, меняющий в зависимости от обстоятельств речь и манеру обхождения, он подавлял цельностью в силу самой своей противоречивости, ошеломлял значительностью в силу самой своей пошлости" [7, с. 149].

Именно потому, что Чичиков "во всем умел найтись", "все это умел облекать какую-то степенностью", "умел хорошо держать себя", говоря "ни громко, ни тихо, а совершенно так, как следует", – пишет Н.В. Гоголь, – все чиновники были довольны приездом нового лица и приглашали его то на обед, то на бостончик, то на чашку чая. Даже сам Собакевич, который редко отзывался о ком-нибудь с хорошей стороны, сообщил своей жене: "Я, душенька, познакомился с коллежским советником Павлом Ивановичем Чичиковым: преприятный человек!".

"Глубокомысленные толкователи, высокопобые критики вот уже целый век задаются вопросом, что же следует думать о герое "Мертвых душ". Одни видят в нем воплощение воинствующего капитализма, другие рассматривают его как решительного противника крепостного права, третьи принимают его за отъявленного мошенника или последователя Огюста Конта, или же за мелкого беса, или же за самого Дьявола, или же за Антихриста, пришедшего на землю, чтобы довершить наконец распад рода человеческого. "Да кто же он на самом деле такой?" – спрашивают друг у друга отцы города, собравшиеся у полицмейстера после бегства Чичикова. "Да кто же он на самом деле такой?" – спрашивают друг у друга специалисты-гоголеведы. "Да кто же он на самом деле такой?" – вопрошает сам себя Гоголь. И добавляет: "Ан нет ли и во мне какой-нибудь части Чичикова?" Позже в одном из своих писем он решится на такое важнейшее признание: "Никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мной... Я не любил никогда моих дурных качеств... необыкновенным душевным событием я был доволен на то, чтобы передавать их моим героям" [7, с. 152].

"Мысль о глубокой связи гоголевских произведений с внутренней жизнью писателя является основополагающей и в статье Р.-Д. Кайля "Гоголь и апостол Павел" (1986). В ней автор прослеживает влияние как самой личности апостола Павла, так и его посланий на внутреннее развитие Гоголя и указывает на отражение этого влияния в творчестве писателя. Апостол Павел, по словам немецкого исследователя, являл для Гоголя пример того, как человек из закоренелого грешника способен превратиться в великого подвижника. "Надежда на такое преобразование не оставляет Гоголя на протяжении всей его жизни...

Апостол Павел показывает возможный путь через слабости и страдания" [9, с. 92].

Речевой этикет, культура речи тесно связаны с культурой поведения, а значит, и с культурой человека вообще. В поэме множество ситуаций, где герои ведут себя, не соблюдая правила хорошего тона. Собакевич то и дело наступал Чичикову на ногу. Вслед за этим следовало обычно извинение: "Прошу прощения! Я, кажется вас побеспокоил".

Во время обеда сын Манилова Фемистоклюс укусил за ухо своего брата Алкида. Собакевич описывает подробности приготовления пищи в городе: "Все, что ни есть ненужного, что Акулька у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп!". С великопелным юмором пишет Гоголь о внешне благовоспитанном Чичикове: "В приемах своих господин имел что-то солидное и высмаркивался чрезвычайно громко. Неизвестно, как он это делал, но только нос его звучал, как труба".

С большим мастерством изобразил Гоголь грубого и наглого помещика Ноздрева: – Куда ездил? – говорил Ноздрев и, не дождавшись ответа, продолжал: – А я, брат, с ярмарки. Поздравь: продупся в пух! Верить ли, что никогда в жизни так не продувался. Ведь я на обывательских приехал! Вот посмотри нарочно в окно! – Здесь он нагнул сам голову Чичикова, так что тот чуть не ударился ею об рамку. – Видишь, какая дрянь! Насилу дотащили, проклятые, я уже перелез вон в его бричку. – Говоря это, Ноздрев показал пальцем на своего товарища".

"Общение на "ты", выбор приветствия, какое употребляют давние знакомые ("Какими судьбами?"), руки, расставленные как бы для объятий, фамильярные "Ба, ба, ба!" и обращение "брат", невнимание к партнеру (задает вопросы и не ждет ответа, говорит прежде всего о себе), разговорные и просторечные слова, касание ("Нагнул сам голову Чичикова") – все это указывает на отношение вполне своих. Между тем Чичиков, как мы узнали, "не подал к тому никакого повода".

Как точно заметил Гоголь, ноздревы проявляют себя рано: "Они называются разбитными малыыми, слынут еще в детстве и в школе за хороших товарищей и при всем том бывают весьма больно поколачиваемы. В их лицах всегда видно что-то открытое, прямое, удалое. Они скоро знакомятся, и не успеешь оглянуться, как уже говорят тебе "ты". Дружбу заведут, кажется, навек: но всегда почти так случается, что подружившийся подерется с ним того же вечера...".

"Ноздрев долго еще не выведется из мира", – предупреждал писатель, и он, кажется, прав. Стоит подумать, нет ли и в нас чего-то от Ноздрева, различаем ли мы человеческие дистанции, научились ли понимать, какие отношения наиболее удобны для тех, с кем мы имеем дело?" [2, с. 19–20].

Одной из черт, великолепно характеризующих Ноздрева, является его язык. Цель его жизни – бесшабашное, разгульное веселье в пьяной приятельской компании. Ему все друзья, кто пьет с ним. Он всем говорит *ты*, обращается попросту, фамильярно, дает прозвища: "Ты, брат, братец, ах ты, Оподелок Иванович, эх, ты, Софрон!" Эта речь соответствует его резким размашистым жестам пьяного или полупьяного человека: он показывает пальцем на Мижуева, нагибает голову Чичикова так, что "тот чуть не ударился головой об рамку". Его речь переполнена ругательствами: "бестия", "глут ужасный", "свинтус", "скотовод", "подлец", "первые мошенники", "ведьмы" и т.д. Бранные выражения все время срываются с его языка. Ему свойственны игрецко-шутерские словечки, усвоенные в "не совсем безгрешной игре", к которой имел страстишку: "гальбик", "банчишка", "дублет", "сорвать банк", "запнуть утку", "прокинуть талию" и т.п. Но играет Ноздрев не очень-то удачно, что отражается в большом числе синонимов к слову "проигрыш": "убухал", "все спустил", "продулся в пух", "просадил", "подделюлили меня" и др. "Ведя компанию большей частью с загулявшими офицерами, Ноздрев так и сыплет бесцеремонными выражениями, что вызывает замечание Чичикова: "ступай в казарму". Таковы речения: "опешишься", "волокита", "куряка" и другие "драгунские штуки" вроде "во рту после вчерашнего словно эскадрон переночевал". Он божится и клянется на каждом шагу: "как честный человек", "честное слово", "ей-ей! проклятая", "голову ставлю" и др. Ругательства и божба причудливо смешиваются в его речи с французскими искаженными словами: "en gros", стоит рядом с "безешкой", "бонбон" – с "лысым чертом", "субдительный суперфлю" и "розетка" – с "бабешкой" и "фетюком". Все вместе взятое образует язык русского дворянина, героя ярмарок, трактиров, попок, драк и картежных проделок, художественно созданный Гоголем со всей полнотой и яркостью жизненного явления" [6, с. 84–85].

В поэме "Мертвые души" Н.В. Гоголь поэтически воспел красоту родного языка и выразил нетерпимое отношение к его искажению и обеднению. В этом плане интерес представляет речевая характеристика дам города N, которые отличались необыкновенной осторожностью и приличием в словах и выражениях. "Никогда не говорили они: Я высморкалась, я вспотела, я плюнула, а говорили: Я облегчила себе нос, я обошлась посредством платка".

Почтмейстер старательно уснащивал свою речь словами-сорняками (сударь ты мой, эдакий какой-нибудь знаете, понимаете, можете себе представить, относительно так сказать, некоторым образом). Воспроизводимые автором частицы в речи почтмейстера играют выразительную стилистическую роль в композиции рассматриваемого отрезка. Они, объективно демонстрируя косноязычие "цветистого в словах" почтмейстера, подчеркивают сатирический смысл сообщения

автора о том, что "почтмейстер вдался более в философию и читал весьма прилежно "Юнговы ночи".

Смех Гоголя и сегодня не утратил своего обаяния и своей боевой силы. Он продолжает служить источником эстетической радости и вместе с тем замечательным оружием борьбы против невежества, бескультурия, всяческой ржавчины, как в поведении, речи, так и в сознании людей, всему тому, что мешает нашему обществу в его неудержимом движении вперед.

Сатирическое описание ситуаций речевого этикета в поэме "Мертвые души" – это своеобразный справочник по тому, как надо и нельзя себя вести. Нашим современникам было бы полезно почаще заглядывать в этот "справочник".

Наблюдения известного в России на рубеже XIX–XX вв. проповедника и писателя Григория Спиридоновича Петрова за жизнью России, других стран и народов приводят его к выводу, что существуют и чисто русские явления, например "смех сквозь слезы". Это явление "чисто русское, так как нигде в других культурных странах не наталкиваетесь так на каждом шагу на явные несуразности жизни, как у нас. Что ни шаг, то грустный анекдот, что ни явление, то досадная, обидная уродливость... Право, не до смеха, когда видишь, что в громадном, могучем и к тому же твоем народе отсутствует воля... И выходит, что наш смех грустный, и наша грусть смешная" [5, с. 3].

Литература

1. Виноградов В.В. Язык Гоголя и его значение в истории русского языка // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. – М.: Изд. АН СССР, 1953. – Т. III.
2. Гольдин В.Е. Речь и этикет. – М.: Просвещение, 1983. – 109 с.
3. Золотова Т.А. Как быть вежливым? // Русская речь. – 1985. – № 5. – С. 69.
4. Ивинский Д.П. К гоголевской типологии характеров. Галерея помещиков в первом томе "Мертвых душ" // Русская словесность. – 1997. – № 6. – С. 11–14.
5. Петров Г.С. Наши пролежни. – Сборник статей Г.С. Петрова. – М., 1913.
6. Смирнова-Чикина Е.С. Поэма Н.В. Гоголя "Мертвые души". Комментарии. – Ленинград, 1974. – 313 с.
7. Труайя Анри. Мои "Мертвые души" // Детская литература. – 1998. – № 5–6. – С. 148–152.
8. Чернышевский Н.Г. Полное собрание сочинений, т. I–XVI. – М.: Политиздат, 1939–1953.
9. Keil R-D. Gogol und Paulus // Die Welt der Slaven. – München, 1986, Jg. 31. NF. XI. S. 88–92.